

Памяти академика А. А. Шахматова.

Съ глубокой грустью и сердечной болью узнала ученая Россія, да и не только Россія (если печальная вѣсть успѣла перелетѣть наши границы), о кончинѣ этимъ лѣтомъ А. А. Шахматова. Русская филологическая наука лишилась, безъ преувеличенія сказать, самаго крупнаго своего представителя за послѣдній періодъ нашей жизни. Если бы вы спросили за послѣдніе годы научныхъ работниковъ: кого вы считаете самымъ выдающимся современнымъ ученымъ въ области русской филологіи, то отвѣтъ, глубоко убѣжденъ, былъ бы одинъ—А. А. Шахматова.

Если кому нужны внѣшнія доказательства—вотъ они: Шахматовъ—признанный большой ученый не только у насъ, гдѣ онъ занималъ почетнѣйшее мѣсто академика и предсѣдателя Отдѣленія русскаго языка и словесности высшаго ученаго учрежденія Россіи, т. е. Академіи Наукъ; ясно, что научныя заслуги его признаны, уже по одному тому, что онъ былъ почетнымъ членомъ ряда русскихъ университетовъ, со старѣйшимъ Московскимъ университетомъ во главѣ.

Но А. А. Шахматовъ былъ членомъ ряда заграничныхъ Академій, почетнымъ докторомъ ряда европейскихъ университетовъ. Всѣ эти внѣшніе признаки говорятъ за то, что А. А. Шахматовъ былъ однимъ изъ тѣхъ дорогихъ намъ всѣмъ лицъ, которыя своей научной работой, своимъ духовнымъ творчествомъ съ достоинствомъ представляли свою страну и свой народъ въ царствѣ духовной культуры и пытливой человѣческой мысли...

И Петербургъ, и Москва, и Казань, Кіевъ, Харьковъ и многіе другіе научные центры нашей страны воздали дань благодарности и памяти такъ безвременно ушедшему ученому.

За нами, саратовцами, большой долгъ. Мы можемъ гордиться тѣмъ, что А. А. нашъ. Онъ саратовецъ, и не только по своему

происхожденію, дѣтству, но и по своей научной работѣ. Онъ удѣлилъ и саратовскому краю часть своихъ изысканій.

Сейчасъ я постараюсь дать посильную краткую характеристику почившаго ученаго...

Истинная одаренность человѣка даетъ себя знать съ раннихъ лѣтъ. Такимъ былъ А. А. Шахматовъ. Онъ родился въ 1864 г. Рано лишился отца и матери. Воспитывался въ домѣ своего дяди. Съ 1871—1876 г. безвыходно жилъ въ семьѣ дяди въ деревнѣ близъ Саратова. И вотъ здѣсь въ деревенской глуши зарождаются у мальчика первые научные интересы.

Уже здѣсь въ деревнѣ 10—12 лѣтній мальчикъ увлекается русской исторіей и заинтересовывается... сравнительнымъ языкознаніемъ!!

Черезъ книгу извѣстнаго славянофила Хомякова о родствѣ славянскихъ языковъ онъ знакомится съ первыми санскритскими словами. Они интересуютъ пытливый умъ мальчика. 12-ти лѣтъ А. А. Шахматовъ вмѣстѣ съ дядей ѣдетъ за границу. И здѣсь въ Мюнхенѣ любознательный мальчикъ забирается въ университетскую бібліотеку... Онъ занимается выборкой изъ иностранныхъ старыхъ источниковъ данныхъ о древнѣйшихъ обитателяхъ Россіи!!

Передъ нами мальчикъ Шахматовъ со слагавшимися основными интересами будущаго Шахматова ученаго.

Исторія (разработка историческихъ первоисточниковъ — работы надъ лѣтописями) и языкъ — вотъ главнѣйшія устремленія творческихъ изысканій Шахматова. Показательный примѣръ, какъ глубоко могутъ быть интересы въ дѣтствѣ, какъ крѣпко они залегаютъ въ душу, что на всю жизнь могутъ опредѣлить вкусы и направленія умственной дѣятельности. Но это и показатель того, что у истиннаго ученаго его научные запросы и устремленія — „вѣчные его спутники“, они неотдѣлимы отъ жизни. Истинный ученый не дѣлитъ науку и жизнь механически на двѣ части: Божіе и кесарево. Наука окрыляетъ умъ такого человѣка, и сама жизнь подчиняется въ своемъ теченіи этому немолчному научному зову.

Мальчикъ Шахматовъ работаетъ, именно, подчеркиваю — научно работаетъ за границей.

Въ 1877 году онъ въ Москвѣ. Въ гимназій. И вотъ мальчикъ — пятиклассникъ уже имѣетъ въ своихъ рукахъ свое собственное сочиненіе: „О происхожденіи различныхъ словъ“.

Ему мало бесѣдъ съ товарищами и учителями гимназій. Его умъ ищетъ духовной пищи въ бесѣдѣ съ признанными университетскими учеными.

Мальчикъ Шахматовъ (черезъ одного изъ гимназическихъ учителей) знакомится съ московскими знаменитыми лингвистами: В. О. Миллеромъ и Ф. О. Фортунатовымъ, а затѣмъ съ О. Е. Коршемъ. Они поддерживаютъ его научныя исканія.

Гимназистъ А. А. Шахматовъ садится за серьезную работу. Профессора бережно относятся къ талантливому гимназисту-ученому, идутъ ему на помощь совѣтами. Шахматовъ работаетъ надъ рукописями въ Синодальной библіотекѣ, изучаетъ главнѣйшіе труды по языкознанію и ведетъ научную бесѣду со своими высокоучеными новыми знакомыми. Еще на гимназической скамьѣ Шахматовъ пишетъ и печатаетъ въ нѣмецкомъ ученомъ журналѣ свои разысканія въ области русскаго языка „Zur Kritik des altrussischen Texte“, „Zur Textkritik des Codex Sviatoslai“ и др.

Будучи еще гимназистомъ, Шахматовъ выступаетъ оппонентомъ на ученомъ диспутѣ А. И. Соболевскаго и находитъ поддержку въ своихъ возраженіяхъ диспутанту со стороны такихъ авторитетовъ, какъ Коршъ и Фортунатовъ. Съ радостью поступаетъ въ 1883 г. на историко-филологическій факультетъ Московскаго Университета, гдѣ продолжаетъ работу подъ руководствомъ Фортунатова.

Будучи студентомъ, онъ совершаетъ дважды поѣздки въ Олонецкую губернію для изученія народныхъ говоровъ и одновременно собираетъ обильный матеріалъ по этнографіи (главнымъ образомъ записываетъ народныя сказки).

На студенческой скамьѣ Шахматовъ зарекомендовываетъ себя обстоятельнымъ трудомъ „Исслѣдованіе о языкѣ Новгородскихъ грамотъ XII—XIV вв.“

Въ 1887 онъ остается при Университетѣ по кафедрѣ русскаго языка и словесности.

Съ этого момента (въ связи съ подготовкой къ магистрантскимъ экзаменамъ) Шахматовъ интересуется иной областью, гдѣ онъ позднѣе прославилъ себя наряду съ лингвистикой: это изученіемъ лѣтописанія.

Тѣ пробныя лекціи, какія онъ читаетъ по окончаніи магистрантскихъ экзаменовъ: 1) О составѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ и 2) по русскому языку символизируютъ его основныя научныя инте-

ресы. Шахматовъ недолго остается въ качествѣ приватъ-доцента. Съ 1890 г. онъ круто, въ связи съ нѣкоторыми „духовными переживаніями“, какъ онъ говоритъ въ автобіографіи, бросаетъ Москву, Университетъ и ѣдетъ въ деревню.

Онъ отдается земской дѣятельности. 1891 г. — голодный годъ; 1892 г. — холера въ Саратовской губерніи — и мы видимъ Шахматова дѣятельнымъ работникомъ для народа.

Съ увлеченіемъ А. А. Шахматовъ сталъ изучать крестьянскій бытъ и формы крестьянскаго землевладѣнія.

Но, какъ бы ни были велики и сильны его увлеченія общественной работой — наука, разъ заразивши человѣка, не можетъ перестать напоминать о себѣ.

Шахматовъ, урывая минуты досуга, отдаетъ ихъ продолженію своей научной дѣятельности.

И здѣсь, въ Саратовской деревнѣ, онъ пишетъ свою диссертацию „Исслѣдованія въ области русской фонетики“, за которую Историко-Филологическій Факультетъ Московскаго Университета въ 1893 году увѣнчиваетъ А. А. Шахматова сразу степенью доктора, минуя степень магистра. Черезъ годъ даровитый ученый получаетъ новое признаніе своихъ заслугъ: Академія Наукъ выбираетъ его своимъ адъюнктомъ. Тридцатилѣтній академикъ переѣзжаетъ въ Петербургъ. И тамъ протекаетъ вся его остальная, полная неуспѣхныхъ трудовъ и творчества жизнь. Въ 1897 году онъ избирается экстраординарнымъ, а въ 1899 г. ординарнымъ академикомъ. Отдѣленіе русскаго языка и словесности тѣсно связано съ дѣятельностью А. А. Шахматова. Онъ воскресилъ столь важныя для науки, „Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности“, будучи съ 1896 г. (съ первой книжки) до самой смерти ихъ редакторомъ. Съ 1907 г. А. А. Шахматовъ получаетъ кресло предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи. Шахматову Отдѣленіе русскаго языка и словесности обязано многимъ: онъ внесъ жизнь и одухотворенность въ работу многихъ академическихъ учреждений и начинаній. Велика его заслуга и въ созданіи Разряда изящной словесности. Онъ явился однимъ изъ главнѣйшихъ организаторовъ предварительнаго съѣзда славистовъ и изданія Славянской энциклопедіи. Можно смѣло сказать, что ни одно начинаніе Отдѣленія русскаго языка и словесности не было безъ Шахматова и не обязано въ значительной мѣрѣ ему. Несомнѣнно, живая и разносторонняя дѣятельность А. А. Шахматова,

какъ академика, много содѣйствовала поднятію авторитета Академіи. Академія стала оказывать поддержку многимъ ученымъ, широко раскрывъ страницы своихъ изданій, выдавая стипендіи, командировки и пр. Главное же: многіе русскіе филологи получали здѣсь себѣ нравственную и научную поддержку. И, м. б., самымъ живымъ нервомъ дѣятельности Академіи въ этомъ отношеніи былъ гостеприимный кабинетъ А. А. Шахматова.

Такова внѣшняя біографія поминаемого ученаго. Я не упомянулъ о дѣятельности А. А. Шахматова въ другихъ научныхъ учрежденіяхъ, помимо Академіи Наукъ. И здѣсь заслуги А. А. Шахматова велики. Въ Археографической Комиссіи его труда, редакціи и руководству принадлежатъ изданія лѣтописей, въ русскомъ Географическомъ Обществѣ Шахматовъ принималъ самое живое участіе, и былъ рядъ лѣтъ товарищемъ председателя Этнографическаго отдѣленія Общества: Московская діалектологическая Комиссія при Отдѣленіи тѣсно связана съ А. А. Шахматовымъ. Наконецъ, А. А. Шахматовъ много и плодотворно работалъ въ Петроградскомъ Университетѣ, не желая прерывать свои связи съ молодежью. И какъ многіе изъ насъ — иногородные — завидовали тѣмъ студентамъ и молодымъ ученымъ, которые имѣли счастье работать въ научной академіи А. А. Шахматова.

У меня нѣтъ времени дать полную характеристику Шахматова, какъ ученаго. Я не буду сейчасъ давать и библиографическихъ перечисленій его трудовъ. Я постараюсь отмѣтить лишь характерныя особенности его научныхъ устремленій и пріемовъ работы.

Дѣятельность Шахматова, какъ ученаго, распадается, какъ мы видѣли, на двѣ части:

1. Лингвистику (главнымъ образомъ, исторію русскаго языка).
2. Исторію русскаго лѣтописанія и памятниковъ съ нимъ связанныхъ.

Мы видѣли, какъ рано, еще въ дѣтскіе годы опредѣлились эти интересы Шахматова — ученаго... Шахматовъ, по общему признанію одинъ изъ самыхъ лучшихъ русскихъ лингвистовъ. Онъ всецѣло принадлежитъ школѣ европейски извѣстнаго Ф. О. Фортунатова, ученикомъ и другомъ котораго онъ былъ съ давнихъ поръ.

Шахматовъ, какъ историкъ русскаго языка, своими работами (изъ которыхъ главныя — диссертация „Исслѣдованія въ области рус-

ской фонетики“, „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“, „Исслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ“, наконецъ, классическій трудъ „Очерки древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка“) вслѣдъ за другими учеными ставилъ вопросы исторіи русскаго языка на твердую научную почву языкознанія. Данныя русскаго языка поясняются изъ данныхъ общеславянскихъ и индоевропейскихъ.

Русскій языкъ, такимъ образомъ, вводится въ тѣсную связь съ другими языками, и методы его разработки тѣ же, какіе примѣняются въ трудахъ европейскихъ ученыхъ-лингвистовъ. Шахматовъ строитъ исторію русскаго языка, обильно пользуясь данными живыхъ говоровъ.

Онъ является однимъ изъ основоположниковъ русской диалектологіи. Онъ самъ дѣятельно изучалъ народные говоры не только по книгамъ, но и непосредственно. Студентомъ онъ ѣздилъ въ Олонецкую губернію, уже академикомъ въ 1897 г. непосредственно изучаетъ Ельнинскіе и Мосальскіе говоры, въ 1913 г. изучаетъ говоры Егорьевскаго уѣзда Рязанской губерніи и др.

Такимъ образомъ, въ его работахъ факты древне-русскаго языка поясняются фактами современныхъ народныхъ говоровъ и обратно—факты и явленія этихъ послѣднихъ получаютъ свое осмысленіе и объясненіе въ историческомъ освѣщеніи.

Шахматовъ былъ замѣчательнымъ, внимательнымъ и тонкимъ лингвистомъ, но было бы совершенно фальшивымъ представленіемъ, если бы хоть кто нибудь подумалъ поставить эти неустанныя работы надъ языкомъ въ рядъ съ буквоѣдствомъ. Значеніе работъ Шахматова какъ разъ состоитъ въ томъ, что онъ умѣлъ магической силой своего творческаго ума воскрешать мертвую букву и слышать за этой внѣшней зрительной формой тотъ звукъ живого языка, какой она обозначала. Въ этомъ стремленіи Шахматова къ постиженію точнаго звука и лежитъ его обыкновеніе придавать такое исчерпывающее объясненіе фізіологіи того или другого звука. Шахматовъ умѣлъ слышать не только древне-русскую рѣчь, но и улавливать оттѣнки различныхъ говоровъ древности. Лингвистика Шахматова не накопленіе мертваго филологическаго матеріала, а творческая проникновенность въ ту вѣчно живую стихію, имя которой человѣческій языкъ.

Будучи такимъ чуткимъ къ языку, Шахматовъ въ своихъ истинно классическихъ работахъ давалъ часто сложную и капризную

биографию того или другого лингвистического явления, въ частности—звука.

Его труды наполнены тѣми буквами со звѣздочками, тѣми иксами, какіе нужно съ необходимостью предполагать для правильнаго постиженія эволюціи того или другого звукового или морфологического явления.

Творческому уму Шахматова наука о нашемъ языкѣ обязана открытіемъ многихъ фонетическихъ законовъ, которымъ суждено остаться связанными съ именемъ Шахматова.

Въ связи со сказаннымъ должно еще замѣтить, что Шахматовъ глядѣлъ на данныя языка съ широкоей научной точки зрѣнія. Шахматовъ пріобщалъ данныя какъ будто сухой науки къ разработкѣ сложнѣйшихъ явленій исторической жизни русскаго народа.

Его занятія древне-русскими памятниками и діалектологіей привели къ взгляду на языкъ, какъ на важнѣйшій, а часто даже единственный источникъ для рѣшенія ряда историческихъ и историко-этнографическихъ проблемъ.

На основаніи, главнымъ образомъ, данныхъ языка древности и, въ особенности, современныхъ народныхъ говоровъ Шахматовъ производилъ талантливую разработку вопроса о древней исторіи русскаго народа.

Его интересовалъ вопросъ объ образованіи русской народности въ связи съ древне-русскими племенами.

Его интересовали вопросы о прародинѣ древнихъ славянъ, объ общерусской (до раздѣленія на позднѣйшія группы) жизни, о дальнѣйшемъ процессѣ раздѣленія русскихъ племенъ. Какъ образовались великорусская, малорусская и бѣлорусская народности? Какая связь ихъ съ древними племенами? Какая ихъ позднѣйшая судьба? — Этими вопросами живо интересовался Шахматовъ.

Изучая живой языкъ и его исторію, Шахматовъ вживался въ эти процессы и соединялъ въ неразрывное цѣлое жизнь языка и его носителя — народа, прозрѣвалъ его отдаленныя судьбы.

Еще въ 1894 году появилась его статья „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій“. Но Шахматовъ былъ творецъ, ищущій ученый, для котораго научная истина дороже, безконечно дороже научнаго самолюбія. У него никогда не видимъ стремленія упорствовать, настаивать на разѣ высказанномъ положеніи, если оно невѣрно.

Онъ непрерывно искалъ, провѣрялъ себя другими источниками и данными, видоизмѣнялъ, перерабатывалъ и не скрывалъ отъ другихъ своихъ ученыхъ исканій. Онъ дѣлалъ и другихъ лицъ сообщниками своихъ научныхъ поисковъ.

Такъ и по этому вопросу.

Черезъ шесть лѣтъ мы видимъ вновь съ сильно измѣненными взглядами статью „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей“. Черезъ десятокъ лѣтъ въ своемъ „Введеніи въ курсъ исторіи русскаго языка“ онъ даетъ вновь написанный и опять съ замѣтными измѣненіями „Историческій процессъ образованія русскихъ племенъ и нарѣчій“, и, наконецъ, совсѣмъ недавно мы видимъ вновь появившійся его аналогичный трудъ — опять съ новыми данными и съ новизной перестройки. Что — можетъ быть это неустойчивость взглядовъ, говорящая о непродуманности? Нѣтъ! Шахматовъ смотрѣлъ на науку, какъ на безкорыстное исканіе истины. Онъ никогда ни одного своего положенія не выдавалъ за непремѣнное.

Онъ даже не любилъ, когда ссылаются на его труды, надѣясь на авторитетъ ихъ автора. Былъ такой случай на диспутѣ въ Петербургскомъ Университетѣ, когда онъ поставилъ въ упрекъ диспутанту принятіе нѣкоторыхъ положеній Шахматова безъ ихъ критики.

Это показываетъ, насколько Шахматову, какъ ученому, была дорога истина. Но трудна область поставленныхъ Шахматовымъ научныхъ задачъ. Приходится искать путей, можетъ быть сбиваться, вновь возвращаться къ прежней тропинкѣ и вновь идти въ путь научныхъ исканій.

Въ этихъ постоянныхъ исканіяхъ, въ отсутствіи упрямаго постоянства въ своихъ разъ полученныхъ взглядахъ сила Шахматова. Это показываетъ лишь, какъ трудна еще разработка историческихъ судебъ древности, какъ еще много нужно поработать надъ методами, и какъ велика заслуга Шахматова, который являлся въ полномъ смыслѣ новаторомъ.

Чтобы закончить эти бѣглыя слова о Шахматовѣ, какъ изслѣдователь русскаго языка, я долженъ упомянуть (что, впрочемъ, вытекаетъ изъ предыдущаго), какъ сильно интересовался Шахматовъ установленіемъ связей русскаго народа и его предковъ — праславянъ съ другими народами. Заимствованные слова и ихъ форма являются въ умѣлыхъ рукахъ талантливаго ученаго новыми исто-

рическими фактами, говорящими о многом самомъ своимъ существованіемъ.

Таковы работы Шахматова „Къ вопросу о финско-кельтскихъ и финско-славянскихъ отношеніяхъ“, разборъ „Славяно-балтійскихъ этюдовъ“ Эндзеліна, таковы его замѣчательно интересныя работы (можетъ быть, и смѣлыя) о польскихъ вліяніяхъ на древне-русскіе говоры и объясненіе этого факта древне-ляшскими поселеніями въ Руси до заселенія ея восточно-славянскими русскими племенами.

Таковъ характеръ работъ А. А. Шахматова въ области языкознанія. Сводя все сказанное, мы должны признать самымъ характернымъ для работъ Шахматова ихъ творческій созидательный характеръ, удивительный даръ анализа и вдумчиваго вживанія въ факты языка. Характернымъ является также широкій взглядъ на предметъ своего изученія и стремленіе къ объединенію лингвистики съ другими научными (въ частности историческими) дисциплинами въ дѣлѣ разработки общихъ научныхъ задачъ. Вліяніе Шахматова, какъ лингвиста, чрезвычайно высоко. Можно смѣло сказать, что нѣтъ ни одного русскаго ученаго лингвиста, который бы не считалъ для себя радостнымъ событіемъ появленіе новой работы, увы, теперь покойнаго ученаго.

Вторая, наиболѣе любимая область научныхъ устремленій А. А. Шахматова была древне-русская письменность, точнѣе — лѣтопись.

Въ области изученія лѣтописи Шахматовъ явился прямымъ новаторомъ. Будущій историографъ смѣтитъ, какъ грань въ этой сложной области исторической науки, появленіе въ началѣ 90-хъ годовъ работъ А. А. Шахматова.

Шахматовъ и сюда перенесъ свойственный ему духъ пытливости и творческаго анализа. Онъ наглядно своими многими работами показалъ, какъ сложна, какъ безконечно сложна древне-русская лѣтопись.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ раскрылъ, какъ исключительно важно подойти къ этимъ неоцѣнимымъ источникамъ исторіи русской культуры и народа со всей строгостью и во всѣхъ орудіяхъ филологическаго метода.

И вотъ, въ результатъ многолѣтнихъ работъ А. А. Шахматова, не прекращавшихся до смерти, мы увидали, какую неизвѣданную еще во всей своей полнотѣ сокровищницу представляютъ эти однообразныя, на первый взглядъ, лѣтописи.

Шахматовъ твердо поддержалъ научную мысль, что дошедшіе до насъ списки лѣтописей отнюдь не являются собой всего лѣтописнаго дѣла.

Лѣтописи наши — это огромные своды, огромные клубки разныхъ историческихъ нитей, относящихся къ разнымъ мѣстамъ и разнымъ эпохамъ древней Руси. Нужно бережно размотать ихъ спутавшіяся нити, раздѣлить ихъ другъ отъ друга, и тогда совершенно въ иномъ свѣтѣ предстанутъ передъ нами эти первостепенной важности историческіе источники.

Лѣтописи — это рядъ постепенно идущихъ другъ за другомъ переработокъ, не механическихъ, а часто проникнутыхъ опредѣленной идеей, обусловленныхъ опредѣленными социальными, политическими, религіозными явлениями и построениями. Но дѣло нельзя представить лишь въ рядѣ наслоеній; здѣсь изслѣдователь воочию показываетъ намъ капризную смѣсь вставокъ, интерполляцій, переделокъ, соединеній, пропусковъ.

И вотъ, А. А. Шахматовъ берется за исполинскій трудъ. Онъ слагаетъ десятки рукописныхъ текстовъ, варіантовъ. Снимаетъ позднія наслоенія, улавливаетъ ихъ источники, восстанавливаетъ прототипы. Ставитъ по необходимости тѣ же условныя звѣздочки для предполагаемыхъ промежуточныхъ звеньевъ.

Передъ нами, благодаря научному творчеству А. А. Шахматова, благодаря критическому вдумчивому чтенію и вживанію въ содержание, мысль, стиль и языкъ текстовъ, не только получаютъ научное освѣщеніе и комментаріи дошедшіе, скажемъ, осязаемые, тексты, но мы получаемъ воссозданные творческой мыслью Шахматова, но недошедшіе до насъ въ рукописяхъ новые литературные факты, цѣлые интересные памятники.

Въ этомъ отношеніи Шахматовъ въ буквальный смыслъ воскрешаетъ утраченное, онъ дѣлаетъ эти предполагаемые лѣтописные памятники настолько вѣроятными, что историкъ и историкъ письменности вставляетъ воссозданные Шахматовымъ памятники въ число опредѣленныхъ чрезвычайно важныхъ (съ исторической точки зрѣнія) фактовъ.

Вотъ въ этомъ громадная заслуга ученаго Шахматова. Вѣдь вы подумайте, какимъ уваженіемъ пользуется тотъ ученый, которому посчастливится отыскать въ пыли библіотеки новые списки, тексты, новые неизвѣстные до сихъ поръ памятники, но какова же заслуга

ученаго, когда онъ (а не случай) самъ сумѣетъ вычитать и возстановить цѣлый рядъ литературныхъ памятниковъ исключительно благодаря зоркости своего научнаго анализа, глубокой вдумчивости и творческому синтезу. Такимъ былъ Шахматовъ.

Добавимъ еще. Послѣ работъ Шахматова совершенно должно поблѣднѣть традиціонное представленіе о безпристрастномъ лѣтописцѣ, хотя бы въ образѣ Пушкинскаго Пимена:

Все тотъ же видъ смиренный, величавый.
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдлый,
Спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Нѣтъ! Шахматовъ показалъ намъ на сотняхъ примѣровъ, какъ страстна, а потому и пристрастна по своему существу лѣтопись, какъ она насыщена злобою дня, какъ въ ней остро оказались партійныя, соціальныя, политическія и религіозныя идеи и настроенія.

„Изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ XII и XIII в.“, говоритъ А. А. Шахматовъ, „можемъ составить представленіе о томъ, какъ пристрастно они освѣщали современныя событія: рукой лѣтописца управлялъ въ большинствѣ случаевъ не высокій идеалъ далекаго отъ жизни и мѣстной суеты благочестиваго отшельника, умѣющаго дать правдивую оцѣнку событіямъ, развертывающимся вокругъ него, и лицамъ, руководящимъ этими событіями, оцѣнку религіознаго мыслителя, чающаго водворенія царства Божія въ земельной юдоли, рукой лѣтописца управляли политическія страсти и мірскіе интересы; если лѣтописецъ былъ монахъ, то тѣмъ болшую свободу давалъ онъ своей пристрастной оцѣнкѣ, когда она совпадала съ интересами родной обители и чернеческаго стада, ея населявшаго“.

„Монастыри часто становились и вотчинными архивами и политическими канцеляріями князя“. (Изъ Введенія къ изд. А. А. Шахматовымъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“).

Слѣдуетъ отмѣтить, что А. А. Шахматовъ, работая филологическимъ методомъ надъ лѣтописями, такъ вживался въ ту или другую историческую эпоху нашей древности, что не только понималъ ее, но какъ бы чувствовалъ. Нерѣдко ему удавалось тотъ или другой литературный фактъ (ту или другую лѣтопись или лѣтописный сводъ), связать не только съ определенной эпохой и средой,

но даже часто съ опредѣленной личностью, что такъ трудно при анонимности большинства письменныхъ древне-русскихъ памятниковъ. Я напому что, работая надъ начальными русскими лѣтописями, главнымъ образомъ, анализируя составъ такъ называемой Повѣсти Временныхъ Лѣтъ, А. А. Шахматовъ пришелъ, напри- мѣръ, къ выводу, что изъ цѣлаго ряда лѣтописныхъ кievскихъ сводовъ каждый связанъ съ опредѣленной политической или пер- ковнополитической тенденціей и, можетъ быть, даже съ опредѣлен- ными лицами, ихъ составителями. Такъ, начальный сводъ, составлен- ный около 1095 г., вѣроятно, является плодомъ трудовъ печерскаго игумена Іоанна и выражаетъ опредѣленную тенденцію недовольства княземъ Святополкомъ. Идущій позднѣе сводъ, который, можетъ быть, по праву носить имя Повѣсти Временныхъ Лѣтъ, составлен- ный около 1112 г., уже благожелательно настроенъ къ Святополку; авторомъ Повѣсти можно предполагать знаменитаго Нестора Лѣто- писца. Въ 1116 г. уже въ другомъ, именно, Михайловскомъ—Выду- бицкомъ монастырѣ подъ перомъ его игумена Сплвестра Повѣсть Временныхъ Лѣтъ получаетъ новую переработку, личность князя Святополка отодвигается въ этой переработкѣ въ тѣнь; за то выдающееся мѣсто отводится Владимиру Мономаху. Черезъ два года въ прежнемъ центрѣ кievскаго лѣтописанія, Кіево-Печерскомъ мона- стырѣ, видимо, обезпеченномъ тѣмъ, что это лѣтописаніе было перевесено въ другой, именно, въ Выдубицкій монастырь, предпри- нимается вновь переработка этой Повѣсти Временныхъ Лѣтъ. Редак- торомъ является, вѣроятно, духовникъ кн. Мстислава Владими- ровича, только что переселеннаго изъ Новгорода въ Кіевскую область. Этотъ редакторъ, являясь патріотомъ Кіево-Печерскаго монастыря, обнаруживаетъ это въ своемъ лѣтописномъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ уже, одни эти примѣры показываютъ, какъ благодаря А. А. Шахматову, его вдумчивости и вживанію въ содер- жаніе и духъ древнихъ лѣтописей, передъ нами изъ однообразной и анонимной, на первый взглядъ, лѣтописи вдругъ возникалъ цѣлый рядъ памятниковъ, строго датированныхъ, нашедшихъ своихъ авто- ровъ и насыщенныхъ мыслями и идейной борьбой своего дня.

То, что для примѣра мы привели здѣсь, можно на основаніи разысканій А. А. Шахматова приложить и къ болѣе раннимъ (Древне-Кіевскому и Новгородскому,) сводамъ XI вѣка и къ болѣе позднимъ, такъ называемымъ, Общерусскимъ сводамъ.

Какъ примѣръ чрезвычайно талантливаго воссозданія А. А. Шахматовымъ изъ отрывочныхъ указалій, обмолвокъ, изъ сличеній другихъ памятниковъ совершенно недошедшаго до насъ и погибшаго въ пыли вѣковъ литературнаго памятника я бы указалъ на житіе преп. Антонія Кіево-Печерскаго. Доказательства А. А. Шахматова о его существованіи и объ его составѣ такъ убѣдительны, что мы, какъ бы осязаемъ саму рукопись...

Я не даю библиографіи работъ А. А. Шахматова надъ лѣтописями. Онѣ тянутся съ начала 90-хъ годовъ до его смерти. В 1908 году вышелъ въ 700 страницъ томъ, гдѣ дана его сводка работъ въ этой области: „Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ сводахъ“. Однимъ изъ послѣднихъ трудовъ является изданіе „Повѣсти Временныхъ Лѣтъ. Т. I. Текстъ. Примѣчанія“. Это есть ничто иное, какъ творческая проблема, но основанная на стогомъ анализѣ и сличеніи лѣтописныхъ текстовъ, одной изъ древнѣйшихъ лѣтописей, съ отмѣткой того, что вошло въ нее изъ предшествующихъ сводовъ и что наслнилось позднѣе...

Вѣчно ищущій ученый и здѣсь обнаружилъ свой твердый принципъ: никогда не упорствовать въ своемъ прежнемъ мнѣніи, разъ онъ теперь его не считаетъ уже болѣе правильнымъ. И лицо, внимательно изучавшее труды Шахматова, неоднократно могло бы засвидѣтельствовать, какъ Шахматовъ въ позднѣйшихъ трудахъ неоднократно отступаетъ отъ своего прежняго предположенія, отъ своей прежней гипотезы. Укажу, хотя бы, на Несторовскій вопросъ. Шахматовъ то принимаетъ авторство Нестора для Повѣсти Временныхъ Лѣтъ, то его отрицаетъ, а позднѣе вновь твердо приписываетъ ему созданіе этой лѣтописи...

Сила и величина научнаго значенія того или другого ученаго повѣряется силой его вліянія на другихъ ученыхъ, на ходъ современной и позднѣйшей научной мысли. А. А. Шахматовъ былъ счастливъ при жизни видѣть заразителное вліяніе его научныхъ работъ на другихъ ученыхъ. Работы его, его научныя исканія приободряли другихъ, повышали научное настроеніе, родили мысли.

Укажу, къ примѣру, какъ въ значительной мѣрѣ на его трудахъ о лѣтописяхъ возникъ трудъ проф. Приселкова „Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси“. То же нужно сказать про работы г. Пархоменко изъ древнѣйшей исторіи Руси и христіанства въ ней; трудъ покойнаго проф. Аничкова о Древне-рус-

скомъ язычествѣ также во многомъ получилъ свои отправные пункты изъ тѣхъ же работъ А. А. Шахматова—такъ, цѣлыя главы названнаго изслѣдованія Аничкова вызваны предположеніями А. А. Шахматова о борьбѣ партій и различныхъ теченій въ древне-кѣвской церкви и т. д., и т. д.

Но опять, какъ и въ области лингвистики, такъ и здѣсь, А. А. Шахматовъ не любилъ безапелляціонныхъ ссылокъ на свои труды и требовалъ не успокоенія на той или другой, высказанной имъ мысли или выводѣ, а критической ихъ повѣрки.

Въ заключеніе отмѣчу нѣкоторыя другія работы А. А. Шахматова въ области словесности. Онъ писалъ, главнымъ образомъ по древне-русской письменности и ея отдѣльнымъ памятникамъ, каковы Толковая Палея, Хронографы, Повѣсти о Мамаевомъ Побоищѣ и нѣк. другимъ. Но всѣ эти работы органически связаны съ областью его любимыхъ разысканій—именно лѣтописью.

Однако интересовался А. А. Шахматовъ и устной словесностью. Въ своихъ разысканіяхъ о лѣтописяхъ ему нерѣдко приходилось заключать къ устнымъ преданіямъ, сказаніямъ, пѣснямъ, вошедшимъ или отразившимся въ лѣтописяхъ. Неоднократно привлекалъ А. А. къ своимъ разсужденіямъ и дошедшія до насъ произведенія устнаго слова, напр., былины (о Добрынѣ, женитьбѣ кн. Владиміра и др.). Мы видѣли, что А. А. Шахматовъ еще со студенческихъ лѣтъ, въ связи съ изученіемъ живыхъ народныхъ говоровъ, занимался собираніемъ народнаго творчества и этнографіей. Позднѣе, въ извѣстный періодъ своей жизни въ деревнѣ, онъ отдавался изученію народа и народной жизни. Въ Петербургѣ онъ былъ дѣятельнымъ членомъ Этнографическаго отдѣленія Географическаго Общества и даже рядъ лѣтъ товарищемъ председателя. Этнографія въ историческомъ разрѣзѣ интересовала А. А. Шахматова въ связи съ его работами изъ древнѣйшей исторіи русскихъ народностей.

Прекраснымъ и цѣннымъ вкладомъ въ науку былъ его обширнѣйшій „Мордовскій Сборникъ“, гдѣ напечатаны на мордовскомъ языкѣ (въ точнѣйшей записи) и въ переводѣ на русскій языкъ разнообразныя фольклорныя матеріалы, собранныя лично А. А. и помогавшими ему народными учителями въ нашей Саратовской губерніи. Это драгоцѣнный этнографическій трудъ по нашему краю и пока единственный по своей строгой научности и обстоятельности. А. А. Шахматовъ вполнѣ изучалъ мордовскую народность нашихъ

мѣсть. Онъ блестяще изучилъ языкъ мѣстной Мордвы, какъ неоднократно занимался изученіемъ и другихъ финскихъ языковъ... Прекрасными образцами точныхъ записей русскаго народнаго творчества являются сказки, записанныя Шахматовымъ въ Олонецкой губерніи и помѣщенные въ сборникъ Ончукова „Сѣверныя сказки“.

Въ заключеніе мнѣ бы хотѣлось указать, что значеніе А. А. Шахматова въ исторіи нашей русскаго науки не ограничивается его печатными работами. Вліяніе Шахматова проходило далеко не черезъ одни его труды. Онъ вліялъ черезъ свою аудиторію, но, главное,—А. А. Шахматовъ взглянулъ на свое академическое званіе не только какъ на почетъ, но и какъ на высокую обязанность. Шахматовъ никого не оставлялъ изъ обращающихся къ нему безъ своего вниманія. Его кабинетъ—особенно по воскресеньямъ (пріемные дни)—былъ всегда полонъ народу. Кого, кого здѣсь не было! Почтенные, убѣленные сѣдинами академики и профессора, часто заграничные гости, начинающіе молодые ученые и юные безусые студенты. И у всѣхъ было о чемъ посоветоваться съ глубоколюбимымъ и цѣнимымъ ученымъ, и для всѣхъ у А. А. Шахматова находилось слово, совѣтъ, указаніе. Корреспонденція, подаваемая ежедневно А. А., была огромна. Видно было, какъ тянулись къ Шахматову научныя нити съ разныхъ концовъ Россіи, славянскихъ земель и другихъ мѣсть Европы.

Мнѣ бы хотѣлось подчеркнуть то громадное значеніе, какое имѣлъ А. А. Шахматовъ для ученой молодежи. Онъ былъ добрымъ гениемъ молодыхъ начинающихъ ученыхъ. Самъ рано, почти отрокомъ, начавъ ученую дорогу, онъ съ благодарностью вспоминалъ всегда потомъ, какъ былъ обласканъ, поддержанъ большими учеными, когда пришелъ къ нимъ гимназистъ-ислѣдователь. Кто знаетъ, можетъ быть, А. А. Шахматовъ сознавалъ по себѣ, какой бы былъ для него ударъ, ударъ самолюбію для юной пытливой души, если бы эти ученые отнеслись къ нему въ лучшемъ случаѣ снисходительно, а то и прямо пренебрежительно. Какъ легко оттолкнуть, охладить неосторожнымъ словомъ юный безкорыстный научный порывъ!

Но какъ благотворно, какъ зажигательно можетъ оказаться сочувствіе молодому научному исканію! Какъ глубоко можетъ запасть слово поддержки! И А. А. Шахматовъ трогательно дружески относился къ молодежи. Знаменитый ученый, по горло за-

нятый массой трудовъ, никогда не отказывалъ не только такъ называемому начинающему ученому, оставленному при Университетѣ или приватъ-доценту, но у него находилось время и желаніе бесѣдовать, совѣтовать, помогать указаніями и книгами не только своему, но и пріѣзжему студенту.

Лично я никогда не забуду тѣхъ минутъ, когда, будучи студентомъ 1 курса, вмѣстѣ съ братомъ, Ю. М., пріѣхавъ въ Петербургъ, впервые мы пришли къ А. А. Шахматову. Его ласковая внимательная рѣчь, полная сочувствія научнымъ запросамъ, до сихъ поръ не потеряла для насъ своего обаянія.

Я могъ бы привести бездну примѣровъ и изъ своей жизни и изъ отзывовъ товарищей по наукѣ, какъ часто многіе изъ насъ находили у А. А. Шахматова доброжелательное, чуткое отношеніе. Недаромъ имя А. А. Шахматова такъ популярно среди дѣятелей русской науки. И я знаю, что вездѣ—въ разныхъ концахъ, и въ столицахъ и въ провинціи—только добромъ, однимъ добромъ помянула и будетъ поминать А. А. Шахматова семья русскихъ филологовъ.

Вѣчная память тебѣ великій ученый, прекрасный и исключительно благородный человѣкъ!

Борисъ Соколовъ.

Саратовъ. 1920 г.